

А. А. Попов

Эллинистические традиции в греко-бактрийской армии

Статья посвящена армии Греко-бактрийского царства, существовавшего в III–II вв. до н. э. Греко-бактрийское войско было типичным для эллинистического периода и являлось результатом культурных взаимодействий между античным миром Восточного Средиземноморья и восточными цивилизациями Центральной Азии и Индии. В своей основе оно было результатом македонизации, процесса военных преобразований, заложенного Александром Великим и его отцом Филиппом. В ходе походов Александра, в эпоху диадохов и период эпигонов появились новые рода войск, часто восточного происхождения. Они меняли тактику, этнический и социальный вид греко-македонской армии. Этот процесс затронул греко-бактрийские войска. В Греко-Бактрии кроме традиционной для эллинов фаланги, конницы, пелтастов, лучников, пращников и отрядов машин активно применялись отряды боевых слонов индийского происхождения и новые виды конных подразделений, в основном, состоящие из жителей Восточного Ирана. На эту тему имеются литературные античные и индийские, нумизматические, археологические источники. Гипотетически можно реконструировать наличие флота в Греко-бактрийском царстве.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, эллинистическая армия, Греко-Бактрия, фаланга, боевые слоны, флот

Artem A. Popov

Hellenistic traditions in Greco-Bactrian army

The article is dedicated to the army of the Greco-Bactrian kingdom, existed in the 3rd–2nd centuries B. C. The Greco-Bactrian military forces were the typical for the Hellenistic epoch and were the result of the cultural interactions between the Antique world of the Eastern Mediterranean and the Eastern civilizations of the Central Asia and India. Basically the Greco-Bactrian army is the offspring of the Macedonization, the process of the military reforms, founded by Alexander the Great and his father Philip. During Alexander's campaigns, the epoch of the Diadochi and the period of the Epigoni, the new types of combat arms have appeared. Sometimes these combat arms had the Eastern origin. They changed the tactics, ethnic and social view of the Greco-Macedonian army. This process has touched the Greco-Bactrian forces. Apart from the traditional Hellenic phalanx and cavalry, peltasts, archers, slingers and squads of machines, in Greco-Bactria there were squads of war elephants of the Indian origin and new types of cavalry units, principally consisted of the Eastern Iranians. There are the literal Antique and Indian, numismatic and archeological sources on this subject. Hypothetically it is possible to reconstruct the presence of the Greco-Bactrian fleet.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Hellenistic army, Greco-Bactria, phalanx, war elephants, fleet
DOI 10.30725/2619-0303-2019-2-40-45

Сегодняшние тенденции глобализации, новые формы колониализма и культурная рефлексия на эти процессы заставляют взглянуть по-новому на те явления мировой культуры, которые относятся, казалось бы, к далекому прошлому. Неисключением являются вопросы, связанные с эллинистической эпохой, охватывающей время от Александра Великого до начала христианской эры. Именно тогда так ярко проявились взаимодействия между двумя цивилизационными полюсами Старого Света: Европой и Востоком. Именно эллинизм со своим культурным синкретизмом подготовил торжество христианских идей еще в рамках истории античного мира. Модели, которые были использованы человечеством в ту эпоху, следует учитывать и сегодня для решения различных, в том числе болезненных актуальных проблем.

При этом необходимо подчеркнуть, что тема касается Бактрии, самого сердца Восточного Ирана

и Центральной Азии, региона весьма значимого для международных процессов как древности, так и современности.

Истории военного дела в этих процессах отводится особая роль, так как само имя великого македонского царя Александра, как правило, ассоциируется с его ратными подвигами. Победы же даруются не отдельно взятым полководцам, а их армиям в целом. Здесь корректна поговорка: «Один в поле – не воин». Поэтому следует рассматривать подобные вещи в виде проявления закономерностей определенной системы. В данном случае речь пойдет о так называемой типичной для эллинизма «македонизации» вооруженных сил.

Сама тематика, связанная с войнами, которая вела Греко-Бактрия, рождается в литературе эпохи Просвещения. Ж. Фуа-Вайян, известный французский ученый-нумизмат времени Людовика IV, в своей работе, посвященной аршакидской Пар-

фии, описывал войны и союзы этого государства с Греко-бактрийским царством. Это исследование – «Власть Аршакидов, или история парфянских царей» – увидело свет в Париже в 1725 г. уже после его смерти. Специальной работой о Греко-Бактрии стал труд первого российского академика-гуманитария Г. З. Байера, имеющий сокращенное название «История Бактрийского царства греков» и вышедший в Санкт-Петербурге в 1738 г. В ней он не мог не касаться темы сражений и войн, а также различных частных сюжетов, связанных с ними.

В эпоху Просвещения при изучении греко-бактрийской культуры ученым были доступны преимущественно письменные источники в виде кратких сведений античных авторов и небольшое количество нумизматических памятников.

Вплоть до 60-х гг. XX в. ученые пользовались для исследований культуры эллинистической Бактрии в основном таким же набором источников, расширенным за счет новых данных восточной литературы, изученной нумизматики и некоторых произведений декоративно-прикладного искусства.

С 1960 г. начинаются знаменитые исследования Ай-Ханум, крупного античного города в северной части Афганистана. Этими раскопками руководил выдающийся французский ученый П. Бернар. В дальнейшем советские исследователи привнесли немалый вклад в развитие знаний о Греко-бактрийском царстве, осуществив многочисленные археологические экспедиции в Тахти Сангине, Тилля-тепе, Дильберджине, Старом Термезе, Кампыртепа и многие другие города-памятники.

Наиболее значимая специальная работа о бактрийских армиях древности была издана в Англии в 1997 г. и принадлежит перу видного российского исследователя В. П. Никонорова. Его «Армия Бактрии, 700 г. до н. э. – 450 г. н. э.» до сих пор присутствует лишь в англоязычной версии. В. П. Никоноров опирался в своем труде на различные исследования и источники, которые к концу XX в. позволяли достаточно полно осветить данный сюжет. При этом отдельные монографические работы о греко-бактрийской армии до сих пор не опубликованы.

Македонизация античной армии началась с реформ Филиппа II, знаменитого македонского царя и отца Александра Великого. Последний довел эти преобразования до логического завершения. Эпоха эллинизма, начавшаяся с Александра, сильно изменила культурный облик античного мира от Средиземноморья до Индостана. Деятельность этого великого полководца сильно повлияли на века, следовавшие после его кончины. Греко-Бактрия не стала исключением в этом процессе, что отразилось в разных источниках.

Выходцы с Балканского полуострова, из Малой Азии, других частей греческого мира формировали

ударные контингенты, располагавшиеся в Бактрии и Согдиане со времени Александра Великого. Еще в ранний эллинистический период, в 327–325 гг. до н. э. и в 323 г. до н. э., такие колонисты эллинистического происхождения поднимали восстания против македонской власти, отстаивая свои традиционные свободы. В III–II вв. до н. э. в этих регионах они формировали постоянные гарнизоны и ополчения эллинистических полисов, обязанных службой монарху.

Эллины составляли важнейшие части македонского построения, исполняли организационные и управленческие функции.

Наиболее значительной по количеству частью античной армии той эпохи являлась пехота. При этом самой важной частью построения была фаланга.

Воины-сариссофоры, вооруженные сариссами, длинными македонскими копьями, составляли основную ударную мощь фаланги. Если вспомнить сражение при Габие в 316 г. до н. э., последнюю битву оставшихся в строю ветеранов Александра Великого, так называемых аргироспидов, она произошла в глубинах Ирана между Антигоном Одноглазым и Евменом. В этом столкновении три тысячи таких воинов были способны прорвать подобную македонскую фалангу из менее опытных бойцов, превосходящую по численности в несколько раз. Неисключено, что после того, как Антигон распустил отряд аргироспидов, некоторые из них могли остаться на просторах Ирана.

Второй частью построения фалангой могли быть воины с традиционным гоплитским вооружением. При этом изображение воина на золотой пряжке из Тилля-тепе имеет именно такое воинское облачение, состоящее из шлема, панциря, меча, поножей, круглого щита и дори, классического греческого тяжелого копья [1, р. 10, 56, pl. 3C, fig. 24e, f]. При этом изображенный на пряжке воин отличается от сариссофора лишь копьем. Если предполагать, что данное изделие является оберегом в бою, возможно, оно представляет собой изображение бога войны Ареса. Воин, изображенный на терракоте из Кампыртепа, имеет схожий набор доспехов, обладая из наступательного вооружения лишь мечом и щитом типа тюрееос, пришедшего из Западной части Средиземноморья [1, р. 10, 56, pl. 3A, fig. 24a].

Дополнительными пешими подразделениями были отряды различного рода легковооруженных воинов: пращников, лучников, метателей дротиков. В начале сражения они должны были составлять первую линию, наносившую удар по построению противника и ослаблявшую его монолитное построение. Они, не вступая в непосредственное соприкосновение с противником, должны были нанести ему максимальный ущерб и отступить под прикрытие фаланги.

Многие жители Средиземноморья были весьма опытны в таких проявлениях воинского искусства. Достаточно вспомнить критских лучников, храбрых наемников многих античных армий, включая македонскую времени Александра Великого и его Восточного похода. Жители Балеарских островов, расположенных в Западном Средиземноморье, славились своей меткостью при кидании снарядов с помощью пращи.

Важную роль играли пелтасты, имеющие легкий щит (пельту) и дротики, которые могли взаимодействовать и с отрядами конницы, благодаря своей мобильности.

На флангах действовала типичная для эллинистических армий кавалерия, состоящая из тяжеловооруженных сариссофоров. Изображение таких всадников мы находим на монетах Евкратиды I Великого [2, p. 199–219, pl. 16–22, ser. 1–12, 19–25] и последующих некоторых эллинских царей, правивших в Центральной Азии и на Индостане.

Можно предполагать, основываясь на находке из Ай-Ханум, наличие у тяжеловооруженного всадника защитного вооружения не только у самого воина, но и его коня [1, p. 7, 45, fig. 13]. На основании этого источника можно отметить, что в греко-бактрийской армии были катафрактари. Однако прямых сведений в письменной литературе или изображений на монетах у нас нет.

Нельзя полностью отрицать присутствие в греко-бактрийской армии легковооруженной эллинской конницы, более мобильной и часто эффективной против кочевников. В этом случае можно предположить наличие конных стрелков из лука, метателей дротиков и так называемых тарентинцев, вооруженных двумя копьями.

На монетах Гермея и Каллиопа, отдельно царя Гермея можно встретить изображения всадника в традиционном эллинском облачении или одного скакуна, бьющего копытом землю. Однако особенно любопытны тетрадрахмы Гермея и Каллиопа, самого Гермея, на которых изображается иной тип всадника [2, p. 325, pl. 52, ser. 1–2; p. 329, pl. 54, ser. 7–8]. Он в типично эллинском оборонительном вооружении. На нем беотийский шлем с плюмажем и кираса с птеригами. Однако привычное греческое наступательное вооружение – копье и меч, подразумевающийся слева, дополнены здесь луком.

Видимо, здесь мы сталкиваемся с влиянием центрально-азиатского воинского искусства, мира кочевников. Ведь именно лук является наиболее типичной формой наступательного вооружения кочевников евразийских степей. Стоит лишь вспомнить, что бактрийским грекам приходилось постоянно сталкиваться с кочевниками, вторгавшимися с севера, и с парфянами на западных границах. К тому времени парфяне широко использовали конных стрелков, закованных в броню. В этой

связи перед нами предстает образ воина несвойственный античности. Как правило, ни эллины, ни римляне не вооружали своих всадников из элитных тяжеловооруженных подразделений луком со стрелами. В Европе такая традиция удерживала свои позиции и в средние века. Однако в европейских государствах, которые контактировали с восточными, азиатскими цивилизациями, тенденция к усилению наступательного вооружения всадника луком и стрелами присутствовала. Например, такие традиции были свойственны Руси, которая имела исконные контакты с евразийской степью, с азиатскими номадами, и, конечно, на Руси не только знали, но и использовали традиции их вооружения. Подразделения конных башкир в российской армии XIX в., например, эпохи наполеоновских войн, обладали вооружением очень схожим с всадником, изображенным на монетах Гермея. Евразийские традиции вооружения конного воина-степняка, безусловно, были очень сильны и пережили многие столетия.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что здесь европейская традиция уступила место евразийской кочевой традиции. Эллины были вынуждены адаптироваться в новых условиях. В противном случае они вряд ли могли бы эффективно противостоять кочевнической угрозе.

Македонизация армии подразумевала использование при необходимости различных машин: метательных, таранных и иных механизмов. Они широко применялись уже в период раннего эллинизма. Сегодня можно говорить о подобном виде вооружений в армиях греко-бактрийских царей. Находки в Ай-Ханум – свидетельства этого. Там найдены шарообразные снаряды, имеющие вес от 2,2 до 20,5 кг и диаметр от 12,3 до 25,8 см [3, photo 27–28]. Такие изделия не были в состоянии нанести существенный урон какой-то существенной фортификации. Скорее всего, для обороны города в арсенале Ай Ханум находились метательные машины, способные наносить ущерб не только живой силе противника, но и осадным сооружениям и механизмам [4, p. 43; 1, p. 7, 46, fig. 14 a, b].

Литературные источники и другие памятники древности указывают на значительную роль жителей Восточного Ирана и Индостана в армии греко-бактрийских правителей.

Еще со времени персидских царей династии Ахеменидов и царствования македонского царя Александра Великого население Центральной Азии и Индии снабжало военными контингентами армии своих сюзеренов.

Сложно сказать, что местные жители привлекались для службы в греко-бактрийские войска в качестве фалангитов. Известно о контингентах из иранцев при Александре Великом (IV в. до н. э.), из египтян и ливийцев в царстве Лагидов при

Птолемее IV (III в. до н. э.), которые были вооружены и натренированы по-македонски и составляли часть фаланги. При этом с помощью этой части армии Птолемей смог победить селевкидского царя Антиоха III в 217 г. до н. э. в знаменитом сражении при Рафии. Учитывая, что эта битва являлась генеральным и наиболее крупным столкновением двух держав в Четвертую Сирийскую войну, она требовала максимального напряжения вооруженных сил обоих государств. По-видимому, в таких же обстоятельствах греко-бактрийские владыки могли мобилизовать часть местного населения для службы в греко-македонской фаланге. Однако на сегодняшний день это лишь гипотеза. Более реальная картина следующая: в типично эллинской пешей фаланге служили потомки от смешанных браков жителей Эллады и Центральной части Евразии (Ирана и Индии).

Жители Бактрии и Согдианы традиционно с ахеменидской эпохи формировали значительные кавалерийские подразделения. На эту тему Полибий, выдающийся древнегреческий ученый, передает нам поистине уникальные сведения о битве при Арии (208 г. до н. э.). В ней участвовали селевкидские войска под предводительством самого царя Антиоха III и конный корпус греко-бактрийского правителя Евтидема I, состоящий из десяти тысяч бактрийских всадников. Историк не называет имя командующего этим соединением кавалерии. Не указывая, какое вооружение имели конные части бактрийцев, Полибий отмечает, что они наступали «не строем» [5, с. 150–151]. Здесь следует сделать вывод о том, что противник селевкидского монарха, скорее всего, обладал легким снаряжением, использовал дротики и стрелы на расстоянии, не вступая в прямое соприкосновение с противником [4, р. 39]. Например, еще у Геродота мы встречаем следующее вооружение бактрийцев: «тростниковые бактрийские луки и короткие копья» [6, с. 332].

В этом же отрывке Полибий говорит о том, что бактрийцы наступали тремя гиппархиями (конными отрядами), каждая из которых составляла атакующую линию. По-видимому, это была обычная для центрально-азиатских народов тактика – наступление лавой. Деление войска на три отряда также является традиционной для народов, имевших соприкосновение со степью. Это обуславливается удобством развертывания армии на широком степном пространстве, где одна часть является центром, а другие две – правым и левым флангами. Таким образом, здесь описан типичный на Востоке тактический прием.

Помимо конницы бактрийцы и другие местные жители могли составлять и пешие отряды, действовавшие не только на полях сражений, но и для гарнизонной службы. Можно предположить, что

такие воины должны были осуществлять функции по охране границ, населенных пунктов, должностных лиц, аристократии и поддерживать правопорядок наподобие так называемых «скифов» в Афинах классического времени.

Бактрийцы как вспомогательные войска служили даже в качестве союзнических контингентов в армии селевкидского царя Деметрия II [7, с. 200]. В 141 г. до н. э. их использует монарх, воюя с Парфией. Были ли они наемниками или союзниками, состояли ли эти отряды только лишь из бактрийцев, или этот этноним лишь принадлежность государству? Однозначный ответ дать сложно.

В процессе завоевания индийских земель во II в. н. э. выходцы из греко-бактрийских царских династий волей-неволей должны были находить поддержку среди покоренных местных жителей. Есть сведения о наличии в войсках «царя индов Деметрия» 60 тыс. воинов [7, с. 223]. Следует учитывать, что упомянутый Деметрий был потомком греко-бактрийского царя Евтидема I, которого признал царем Греко-Бактрии Антиох III, тем самым открыв новую страницу в истории этого царства и дав ему формальную независимость от Селевкидов. Поэтому экспанзия на восток, на Индостан – вполне логичное продолжение политики эллинов на Востоке.

При подчинении жителей Индии греко-бактрийские цари должны были требовать от них воинской повинности. Вряд ли ситуация была обратная, при которой индийцы не имели права служить в армии. Если индийские контингенты присутствовали в войсках завоевателей, они могли быть в разных видах войск. При этом специфическим родом войск были отряды боевых слонов, так как эти животные имели среду обитания на Индостане и обитатели этого полуострова обладали древней традицией их приручения, возникшей задолго до прихода греков и македонян.

В этой связи кроме косвенных данных на основании памятников искусства о наличии слонов в Греко-Бактрии и индо-греческих царствах, наследника греко-бактрийской монархии, мы имеем прямые указания об этом в письменных источниках и нумизматике. Так, Полибий, повествуя о договоре 206 г. до н. э. между царем Антиохом III и Евтидемом I, указывает на пункт о передаче слонов от греко-бактрийского царя селевкидскому царю [5, с. 176]. Наследник Евтидема I, Деметрий I Непобедимый в знак своих побед на Индостане изображен на серебряных и бронзовых монетах в шлеме в виде скальпа слона [2, р. 164, pl. 4, ser. 1/3; р. 165, pl. 4, ser. 2/6; р. 165–166, pl. 5; р. 167, pl. 5, ser. 5/15]. В дальнейшем такой «слоновый шлем», голову слона или целиком образ слона мы встречаем на множестве монетных эмиссий греко-бактрийских

и индо-греческих правителей: царя Евкратиды I [2, p. 210–216, pl. 20–22, ser. 17–20, 22–25], царя Антимаха I [2, p. 185, pl. 10, ser. 5/B; p. 186–187, pl. 10, ser. 8/16], царя Лисия I [2, p. 266, pl. 38, ser. 1/1; p. 267–268, pl. 38, ser. 4/12; p. 270, pl. 39, ser. 9/A; p. 269–270, pl. 38, ser. 8/22], царя Деметрия III Непобедимого [2, p. 287, pl. 43, ser. 3/G], царя Аполлодота I [2, p. 188, pl. 11, ser. 2/1; p. 189–190, pl. 11, ser. 4/26], царя Антиалкиды I [2, p. 271–272, pl. 39, ser. 3/2; p. 273, pl. 39, ser. 6/D; p. 276, pl. 40, ser. 13/42; p. 279, pl. 41, ser. 18/G], царя Зоила II [2, p. 367, pl. 68, ser. 8/G; p. 367, pl. 68, ser. 9/I], царя Менандра I [2, p. 241, pl. 31, ser. 26/H; p. 242, pl. 32, ser. 28/167], царя Гелиокла II [2, p. 284, pl. 42, ser. 7/12; p. 285, pl. 42, ser. 8/K], царя Епандра I [2, p. 306, pl. 48, ser. 3/4], царя Архебия I [2, p. 324, pl. 52, ser. 12/C].

Тактические применения боевых слонов могли быть разными, но в любом случае они меняли рисунок построения типичной греко-македонской армии времен Филиппа II и Александра Великого. Несмотря на обладание боевыми слонами, Александр ни разу не применял их в сражениях в качестве ударной единицы. Он использовал их как символы могущества и значимости. При этом уже диадхи используют боевых слонов по прямому назначению. Это мощное оружие сокрушало противника во многих сражениях. Слоны становились грозным средством массового поражения. В руках неопытного военачальника они могли уничтожить свои собственные войска. Наличие большого количества этих животных в войсках греко-бактрийских и индо-греческих монархов обуславливалось близостью к Индии, источнику этих четвероногих гигантов, хорошо поддающихся дрессировке [8, с. 87–95].

В армиях восточных правителей, с которыми сражался еще Александр Великий, присутствовал род войск в виде боевых колесниц. В сражении при Гавгамелах (331 г. до н. э.) с персидским царем Дарием III и в битве при Гидаспе (327 г. до н. э.) с индийским царем Пором македонские войска уничтожили отряды боевых колесниц в первой фазе этих крупных сражений.

С одной стороны, широкое использование такого вида вооружения в греко-бактрийской армии реконструируется гипотетически. В. П. Никоноров справедливо считает, что сегодня этот вопрос нельзя решить с полной уверенностью [4, p. 43]. Колесница на монетах царя Платона, имеющего греко-бактрийское происхождение, касается культа Гелиоса, чье изображение мы здесь находим [1, p. 8, 51, fig. 19g]. При этом следует учесть, что колесница является неизменным атрибутом этого божества. Поэтому данный образ может быть лишь топосом (общим местом), связанным с мифологией, и он не имеет касательства к военным вопросам.

С другой стороны, существует литературная иллюстрация из сочинения Помпея Трога (Юстина) о гибели греко-бактрийского царя Евкратиды I, который был убит своим сыном на обратном пути из Индии. После убийства Евкратиды его сын проехал по его трупу на колеснице [7, с. 223]. Возможно, это мог быть Платон, который единственный среди известных нам греко-бактрийских и индо-греческих монархов имел монетные эмиссии с изображением Гелиоса именно на колеснице.

В последующее время мы находим описание использования колесниц индо-греческими правителями. В древнеиндийском литературном памятнике «Вопросах Милинды» греческий царь Менандр, правивший частью Индии, использует прекрасную колесницу для поездок [9, с. 66, 76, 78, 81].

Исходя из этих источников, колесницы точно использовались людьми высшего сословия не для битв, а для передвижения [4, p. 43]. Эта традиция была известна и в античном Средиземноморье с глубокой древности. Сохранялась она и в Римской империи, где многие императоры не отказывали себе в передвижении на колесницах особенно во время торжественных процессий, а скачки на колесницах были популярны даже в Византийской империи.

При этом существует другой ряд рассуждений на эту тему, касающийся греко-бактрийских владыки и их преемников в Индии. В «Вопросах Милинды» присутствует указание на состав армии Менандра, которая имеет четыре рода войск: боевых слонов, конницы, боевых колесниц и пехоту [9, с. 66, 86, 88–90]. Несмотря на то, что индо-греческие цари происходили из Греко-Бактрии, они, подчинив часть индийцев, использовали иные воинские контингенты, состоявшие в том числе из индийского местного населения. Соответственно они использовали другой состав родов войск, другое оружие и снаряжение. Они были вынуждены подстраиваться под ведение боя в других условиях. Вряд ли эти аргументы могут разбиться о тот факт, что рассматриваемое сочинение имеет философский характер, и оно не в полной мере может отражать реальность. Странно было бы здесь столкнуться с простым литературным клише или вольной выдумкой автора.

Вопрос о существовании флота в греко-бактрийской армии остается открытым. Нет никаких прямых свидетельств существования столь традиционного для эллинов вида войска. Мы можем утверждать об этом лишь косвенно.

Если вспомнить покорение долины Инда со стороны персидских войск Дария I в VI в. до н. э. или Индийский поход Александра Великого в IV в. до н. э., можно обнаружить, что флот сыграл в этом процессе важную роль. При этом

оба раза вторжение на Индийский полуостров шло из Бактрии. Во II в. н. э. во время покорения Северной Индии царями греко-бактрийских династий можно предположить также постройку флота для прохождения по Инду и его притокам, в том числе по реке Кабул, текущей по территории Бактрии.

Греко-бактрийские цари, правившие в долине Инда, получили доступ в Индийский океан и соответственно Аравийское море. Со времени царствования персидского царя Дария I и экспедиции Скилака Кариандийского с берегов Кабула через Инд и Аравийское море до Красного моря (VI в. до н. э.) был известен водный путь с бактрийских к египетским берегам. Оттуда торговые контакты шли далее в Восточное Средиземноморье. Торговля Индии и Центральной Азии с Египтом поддерживалась через Аравийское море и после падения центральноазиатских и индийских эллинистических царств. В древности после греко-македонского владычества между рассматриваемыми регионами экономические контакты по этому морского пути не утихали, а в средние века и Новое время лишь усилились.

Другой аргумент в пользу наличия флота – существование крупных и часто судоходных рек в самом центральноазиатском регионе, а также присутствие Аральского моря в непосредственной близости от Бактрии и Согдианы.

Однако количество флота и его боевая мощь нам не известны. Вряд ли он был многочисленный. Отсутствовала необходимость защиты от противника, обладавшего крупным военно-морским флотом. Пираты и народы, промышлявшие морским разбоем, могли диктовать наличие судов не только торгового, но и военного назначения.

Плодом культурных взаимодействий между античным миром Восточного Средиземноморья и восточными цивилизациями Центральной Азии и Индии стало греко-бактрийское войско типично эллинистического вида. В своей основе оно было результатом процесса македонизации, заложеного Александром Великим и его отцом Филиппом. С течением времени в ходе походов Александра, в правление диадохов и эпигонов новые восточные рода войск меняли тактику, этнический и социальный вид греко-македонской армии. В Греко-Бактрии кроме традиционной для эллинов фаланги, конницы, пелтастов, лучников, пращников, отрядов машин и флота активно применялись отряды боевых слонов индийского происхождения и новые виды конных подразделений, в основном, состоящие из жителей Восточного Ирана. Слоны, идущие впереди войска, могли растоптать врага морально и физически. Атака лавой больших масс всадников могла охладить наступательный пыл противника.

Список литературы

1. Nikonorov V. P. The armies of Bactria, 700 BC – 450 AD: in 2 vol. Stockport: Montvert Publ., 1997. Vol. 2. 79 p.
2. Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.
3. Leriche P. Fouilles d'Ai Khanoum. T. 5. Les remparts et les monuments associés // Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris: Diffusion de Boccard, 1986. T. 29. 140 p.
4. Nikonorov V. P. The armies of Bactria, 700 BC – 450 AD: in 2 vol. Stockport: Montvert Publ., 1997. Vol. 1. 64 p.
5. Полибий. Всеобщая история: в 3 т. / пер., вступ. ст., коммент. Ф. Г. Мищенко, отв. ред., вступ. ст. А. Я. Тыжова. 2-е изд. Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1995. Т. 1. 496 с.
6. Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. Москва: Ладомир, 1993. 600 с.
7. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинений Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вступ. ст. К. К. Зельина. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 493 с.
8. Банников А. В., Попов А. А. Боевые слоны в Античности и в раннем средневековье. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2013. 168 с.
9. Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / пер. с пали А. В. Парибка. Москва: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 485 с.

References

1. Nikonorov V. P. The armies of Bactria, 700 BC – 450 AD: in 2 vol. Stockport: Montvert Publ., 1997. 2. 79.
2. Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459.
3. Leriche P. Fouilles d'Ai Khanoum. 5. Les remparts et les monuments associés. *Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*. Paris: Diffusion de Boccard, 1986. 29. 140.
4. Nikonorov V. P. The armies of Bactria, 700 BC – 450 AD: in 2 vol. Stockport: Montvert Publ., 1997. 1. 64.
5. Polybius; Mishenko F. G. (transl., article, comment.); Tyzhov A. Ya. (ed., article). *Histories*: in 3 vol. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1994. 1. 496 (in Russ.).
6. Herodotus; Stratanovskii G. A. (transl.). *Histories*: in 9 vol. 2nd ed. Moscow: Ladomir, 1993. 600 (in Russ.).
7. Justinus Marcus Junianus; Dekonskii A. A. (transl.), Rizhskii M. I. (transl.); Grabar-Passek M. E. (ed.); Verzhbitskii K. V. (comment.), Kholod M. M. (comment.); Zelin K. K. (intro. article). *Epitome of «Historiae Philippicae» by Pompeius Trogus*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. Press, 2005. 493 (in Russ.).
8. Bannikov A. V., Popov A. A. War elephants in Antiquity and Early Middle Ages. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts, 2013. 168 (in Russ.).
9. Paribok A. V. (transl.). *Questions of Milinda*. Moscow: Nauka. East. lit., 1989. 485 (in Russ.).